

4. *Гнатовская, Н. Б.* Статус Каспия и геоэкономические интересы России / Н. Б. Гнатовская // Экономика и политика России и государств Ближнего зарубежья. – М., 2001. – 123 с.
5. *Мамедов, Р.* Международно-правовой статус Каспийского моря : вчера, сегодня, завтра (Вопросы теории и практики). Ч. II. Становление международно-правового статуса Каспийского моря с древнейших времен до 1991 г. / Р. Мамедов // Центральная Азия и Кавказ. Общественно-политический журнал. – 2000. – № 3 (9). – С. 53–57.
6. *Романова, Л.* Стамбульский цейтнот Москвы. Подписание документов по проекту Баку-Джейхан усиливает влияние Вашингтона в Закавказье / Л. Романова, И. Максимов // Независимая газета. – 1999. – С. 43–53.
7. *Современная* конфликтология в контексте культуры мира : мат-лы I Междунар. конгресса конфликтологов. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 592 с.
8. *Этническая* ситуация и конфликты в государствах СНГ и Балтии. Ежегодный доклад, 2006 / под ред. В. Тишкова и Е. Филипповой. – М. : УОП ИЭА РАН, 2007. – 440 с.

ВЛИЯНИЕ КОРРУПЦИИ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А.А. Серапина
(Россия, г. Астрахань)

Ключевые слова: коррупция, власть, элита, чиновники, теневая политика, теневая экономика, лоббизм.

Key words: corruption, power, elite, officials, shadow policy, shadow economy, lobbyism.

История коррупции является самой неприятной и самой скандальной страницей политической истории любого государства. Ее расцвет свидетельствует об упадке системы государственного управления и моральном разложении тех лиц, которые были напротив призваны быть парадным лицом этого государства. Но история свидетельствует, что коррупция не всегда понималась обществом однозначно в негативном значении. В ее истории существует и вполне позитивные трактовки, которые не идут в контексте общих научных рассуждений о коррупции как абсолютно отрицательном явлении. У коррупции слишком много нюансов, чтобы можно было о ней говорить как об однозначно отрицательном или положительном явлении.

История коррупции в России относится к X в., когда по примеру Византии возникает институт «кормления» – древнерусский институт направления главой государства (князем) своих представителей (восвод, наместников) в провинцию без денежного вознаграждения. Предполагалось, что население региона будет «кормить» своего наместника. Последний обладал огромными полномочиями, и ясно, что население не скупилось на подношения. «Откормленные» воеводы, возвращаясь в столицу – Москву, везли с собой накопленное добро, «подарки», «излишки» которых изымались еще при въезде в «златоглавую» в пользу казны. Так возникала круговая порука взяточников провинциальных и столичных [16].

В средневековой России «кормления» воевод и присвоение ими платы за разрешение конфликтов считались обычным доходом служивых людей, наряду с жалованием из казны или получением поместий. Чем более централизованным являлось государство, тем более строго оно ограничивало самостоятельность граждан, провоцируя чиновников низшего и высшего звена к тайному нарушению закона в пользу подданных, желающих избавиться от строгого надзора и контроля общественности [12, с. 5]. Кормление было официально отменено в 1556 г., но традиция жить и богатеть за счет подданных фактически сохранилась надолго, быть может до настоящего времени. Не было недостатка в моральном и государственном осуждении взяточничества – в

XIII в. митрополит Кирилл, затем цари Иван III, Иван IV Грозный, при котором состоялась первая известная казнь за взятку [36, с. 58].

Коррупционная деятельность нашла свое отражение и в русском языке. В русском языке существует такое выражение, как «взятки гладки». Выражение это очень старое, что лишний раз подчеркивает, сколь давно стоит проблема взяток на Руси. Оно связано со взяточничеством подъячих, воевод и других чиновных лиц средневековой Руси. Как пишет «Словарь русской фразеологии», некогда взятки еще не были «гладкими» (т.е. нулевыми). Брать их разрешалось в зависимости от занимаемого положения. Но вот появился «Судебник» 1550 г., свод законов Ивана Грозного в котором он начал официальную борьбу со взяточничеством. Уже при Борисе Годунове дьяков, которые брали взятки, не только публично секли, но и возили по городу, причем на шею им вешали тот самый «незаконный принос». Но даже такие жестокие наказания не смогли искоренить преступный обычай в среде русского чиновничества.

Коррупция («воровство») в Московии сопровождалась не только расхищением государственной казны, но и возведением бесчестия на других казнокрадов («позорят, лают и лгут») [34, с. 198], с целью отвода от себя подозрений в этом грехе. Таким образом, коррупция усиливает не только моральное разложение власти, но и увеличивает поток лжи и брани среди конкурирующих элитных групп и отдельных лиц. «Воровская мысль» уже тогда была предметом серьезных судебных разбирательств и чиновникам приходилось прибегать к изощренным актам фальсификации для того, чтобы доказать свою «правоту» и отстоять свое «честное имя» («знатную породу») [34, с. 190, 194, 202]. Следует сказать, что психология этой «породы» претерпела за это время незначительные изменения.

Ненормативное поведение чиновничьего аппарата вряд ли будет содействовать укреплению и процветанию политической мощи и авторитету государства. Коррупция вообще и политическая коррупция в частности является одновременно и причиной и следствием слабости государства как носителя государственной власти и гаранта социального благополучия общества [21, с. 38–44]. Общеизвестно, что коррупция в государственных структурах препятствует не только успешному развитию государственного управления, но и влечет за собой огромные дополнительные затраты со стороны бизнеса и населения, что в целом тормозит экономическое развитие страны. Меры по противодействию и борьбе с коррупцией являются приоритетными для России на современном этапе. Международные рейтинги показывают, что уровень коррупции в России недопустимо высок [7, с. 10].

Отечественные исследования отмечают устойчивую воспроизводимость коррупции в российской государственности (как царской, так и советской) на протяжении всей ее истории. Эта особенность коррупции была отмечена еще в начале XX в. представителями «отечественной социологии чиновничества» (П. Берлин, Б. Бразоленко, М. Александров, В. Ивановский, В. Мачинский и др.). Изучая такую форму коррупции, как взяточничество, отечественные исследователи сделали следующие выводы о природе этого явления в России: 1) подкуп административного лица является прочной традицией российского государственного быта; 2) формы взяточничества менялись, но суть ее как формы злоупотребления властью, как служебного преступления сохранялась; 3) воспроизводимость явления нашла отражение в языке (и бытовом, и литературном) – появились как прямые его обозначения, так и многочисленные афоризмы, вроде «оказать почесть», «проявить уважение», «мзда», «корм», «добыча», «подарок», «детушкам на молочишко», «вернуть долг», «любодеятельность», «лихоимство», «сребролакомство» взятка возбуждала воображение писателей и государственных мужей, так родились: «богопротивное лакомство» (Петр I), «произвольное самовознаграждение» (С. Уваров), «служебные сладости» (М. Салтыков-Щедрин) и т.п. [11].

Исследователи отмечают, что к 1970-м гг. советская номенклатура вплоть до руководителей государства и Коммунистической партии была тотально коррумпирована. Достаточно здесь будет вспомнить «хлопковые», «фруктовые», «рыбные», они

же «узбекские», «казахские», «молдавские», «московские» и прочие дела и процессы, отразившие лишь видимую, поверхностную часть этого явления [14, с. 25].

Анализ имеющихся на сегодняшний день в распоряжении общественных наук данных указывает на существование своего рода «заговора», существующего в чиновничьей иерархии. Суть этого «заговора» заключается в том, что чиновники знают, кто, сколько берет, и при этом сохраняют молчание, проявляя тем самым свою корпоративную солидарность. Они также знают, что коррупция это плохо с моральной точки зрения, но крайне выгодна для достижения личных и чаще всего эгоистических целей.

Так, бывший премьер-министр России (1998 г.) Е.М. Примаков спустя годы признавался: «Будучи премьером, попросил всех в правительстве, кто связан с валютой и торговлей, дать мне в письменном виде информацию о том, куда уходят деньги, в том числе из-за дыр в законах. В ужас пришел не только от того, какие масштабы, но и от того, что все все знают. Встала дилемма – если все это опубликую, придется прибегать к репрессиям. Делать этого было нельзя, особенно с учетом того, что стояла задача стабилизировать ситуацию расшатанную дефолтом. Тогда решил хотя бы выступить с угрозой в адрес коррупционеров (которая их ничуть не напугала) [2]. Из этого следует, что представители высших эшелонов власти ситуацией владели, более того, практически ее и создали, приняв в ней самое непосредственное участие. Они управляют не только делами государственными, но и самими коррупционными процессами. Естественно, что вторая часть их деятельности не является публичной, а находится в тени их основной официальной практики.

Коррупция является одной из важнейших чуть ли не центральной составляющей такого явления, как теневая политика и теневая экономика. Поскольку экономика и политика постоянно обмениваются своими ресурсами, то их взаимоотношения могут оказывать существенное влияние как на политическую, так и на экономическую сферу деятельности [10, с. 36–42]. Теневая политика понимается как некая «совокупность идеологических, технологических и инструментальных приемов и действий, ориентированных на формирование параллельных (скорректированных под заданные цели) или альтернативных (оппозиционно-революционных) институциональных отношений» [30, с. 51]. Сам факт нахождения в «тени» уже предусматривает разворачивание разнообразной коррупционной деятельности (взятки, «откаты», монополизация, трудоустройство родственников и т.д.) [3, с. 6–10].

Теневая политика представляет собой область различных неформальных коалиций по потреблению государственных ресурсов. Сам факт наличия такой «зоны» резко ускоряет процесс утраты государственными учреждениями правовых и нравственных ограничений. В результате получается существование рядом с формальным миром политических и экономических отношений не менее равноправного параллельного «неформального мира» (который имеет такие свойства, как самоорганизация, усложнение и развитие в пределах данного времени и существующих общественно-политических форм) [30, с. 49–50].

Особую роль играет в России неофициальная сфера национального хозяйства – теневая экономика, предпринимательская деятельность осуществляется вне учета и контроля со стороны государства и не отражается в официальных статистических данных [22]. В этой области специалисты выделяют три сегмента: белый, серый, черный. Существуют различные прямые и косвенные методы оценки размеров теневой экономики [8]. В целом в мире в рамках данного сектора ежегодно создается добавленная стоимость не менее чем на 8 трлн долл., не зафиксированная в официальной отчетности [6]. В России, по имеющимся оценкам, теневая экономика достигает 40 % ВВП. Только на взятки в России затрачивается примерно 37 млрд долл. [22, с. 37].

Профессор А.А. Вартумян приходит к выводу о том, что любое увеличение доходов в теневой экономике приводит к увеличению объема денежных средств, направляемых на взятки, в результате чего и происходит дальнейшее расширение масштабов коррупции. Большинство действий в рамках теневой экономики осуществлялись прежде всего в системе отношений «государство–бизнес», т.е. «политика–

экономика». Объективные противоречия между государственными структурами и бизнесом выражаются в том, что интерес первых состоит в пополнении финансовых ресурсов за счет налогоплательщиков, а вектор интереса бизнеса развернут прямо противоположно. Стороной, которая несет основной ущерб от противоправных действий, является общество. Таким образом, теневые отношения государства и бизнеса непосредственно направлены против общества [9].

Исследователи отмечают, что «причина живучести российской коррупции – в масштабах теневой экономики, в слишком широком зазоре возможностей чиновников при выдаче разрешений. И в фактически полной безнаказанности. В Европе тормозом служит страх потерять весьма значительные пенсии за выслугу лет и жесткая система декларации доходов и имущества чиновников и их семей. Но в России суммы откатов и взятки таковы, что страх потерять пенсию растворяется перед соблазном за две–три коррупционные сделки обеспечить безбедное существование для себя и детей. В России никто не спрашивает, каким образом госчиновник, милиционер или судебные решения элита власти иногда руководствуется не государственными, а узкокорыстными интересами.

На современном этапе коррупция в России приобрела чрезвычайно широкие масштабы. Однако определять создавшуюся ситуацию как совершенно исключительную вряд ли правомерно. С одной стороны, коррупция с начальных этапов формирования профессиональной бюрократии была типичным институтом российского общества. С другой стороны, индекс восприятия коррупции в современной России на фоне других стран мира, в том числе и среди бывших советских республик, значительно ниже.

Рост коррупции и превращение ее в социальное явление российской политики является наиболее опасной деструктивностью, способной перечеркнуть многие позитивные достижения предыдущего периода социально-экономического развития страны. Уже в 2005 г. общий рынок российской деловой коррупции превысил доходы федерального бюджета почти в 3 раза. Средний размер взятки бизнесменов чиновникам составлял 130 тыс. долл., в то время как в 2001 г. – всего лишь 10 тыс. долл. (цифры не включают коррупцию в высших эшелонах власти). В итоге стоимость товаров и услуг в стране из-за одной только коррупции стали дороже на 50 %, чем за рубежом. Три четверти коррупционных денег бизнеса достается представителям органов местного самоуправления, 20 % – региональным властям, 5 % – федеральной власти [29].

Среди форм коррупции сегодня на первом месте стоит взятничество (65 %), но не менее распространены такие формы, как семейственность и родственные связи (52 %), подкуп государственных служащих (35 %), махинации с государственным имуществом (33 %), вымогательство со стороны госслужащих (30 %), оказание услуг с использованием служебного положения (28 %), действия в обход существующего порядка ведения дел в собственных корыстных интересах (14 %), предоставление неоправданных льгот и привилегий (10 %) и т.д. [17].

По данным на 2005 г. российские чиновники получали только на взятках в год 33,5 млрд долл. «За «проведение схемки» чиновник берет 10 % от суммы сделки. Исследования показали, что по размаху обдиравки лидируют контроль и надзор, фискальная и налоговая сферы, лицензирование и таможня. Именно в эти госструктуры на любую должность рвутся те, кто решил прийти во власть, чтобы заработать в собственный карман» [28].

Беспокойство вызывает не столько высокий уровень коррупции, сколько тенденция к ее росту. Особенно опасно то, что коррупция, как считают многие исследователи и рядовые граждане, сильнее всего поразили органы внутренних дел, призванные вести борьбу с коррупцией. Громкие коррупционные скандалы в последнее время имеют одну особенность: в них замешаны люди, которым по службе велено стоять на страже законности. Отмечаемая высочайшая коррумпированность данной структуры является сильным тормозом к развертыванию антикоррупционной борьбы.

При этом всегда особо подчеркивается, что развитию коррупции в немалой степени способствует не только «злая воля» чиновников-политиков (коррупционеров), но и несовершенство самой законодательной базы государства. Законы «пишутся» не под объективные условия существования общества, а под конкретные «проекты» отдельных политических или хозяйствующих групп, что уже само по себе создает условия для коррупционной деятельности указанных лиц.

Расцвет коррупционной деятельности ведет к экономической неэффективности и неоправданным расходам, а прибыль, полученная через коррупционные связи, в основном, используется в секторе потребления. Несправедливое распределение поднимает цену товаров или услуг, снижая их качество, негативно сказываясь на конкурентоспособности и эффективности экономики России [31, с. 22].

Особое место в политической коррупции занимает электоральное поведение. Рассматривая коррупцию в электоральном поведении, В.Л. Римский в итоге сводит ее к клиентелизму в поведении избирателей [26, с. 251–259]. И хотя понятие «коррупцированное электоральное поведение» в политической науке мало используется, существует распространенное понятие «электоральная коррупция», смысловое содержание которого оказывается значительно шире предыдущего понятия.

Например, современная юридическая наука определяет следующие формы электоральной коррупции: 1) незаконное финансирование избирательных кампаний; 2) использование «административного ресурса»; 3) подкуп (продажность) членов избирательных комиссий с правом решающего голоса; 4) противоправное осуществление информационного обеспечения выборов, референдума организациями, осуществляющими выпуск СМИ и их представителями из корыстной или иной заинтересованности; 5) подкуп (продажность) лиц, призванных обеспечивать открытость и гласность избирательного процесса; 6) подкуп (продажность) лиц, призванных представлять интересы кандидатов, избирательных объединений (доверенные лица, уполномоченные представители по финансовым вопросам); 7) подкуп (продажность) кандидатов, не связанный с финансированием избирательной кампании; 8) подкуп (продажность) избирателей [15].

Основные формы и техники подкупа избирателей были апробированы в России еще в 1990-е гг. и в отдельных регионах весьма успешно работали еще и в начале 2000-х гг. Эволюция избирательной системы России рубежа XX и XXI вв. представляет собою переход от группового (элитного) к единоначальному (главная VIP) принципу. Если в 1990-е гг. сами элиты решали, кого и куда избирать, то в 2005 г. это право у них было отобрано, и в России остался один, но главный избиратель страны – Президент РФ. Однако и в этом некоторые политические комментаторы усматривают проявление российского демократизма: впервые внутрикремлевские процедуры, которые до сих пор были процедурами теневыми, получили официальный статус [35, с. 95].

Одна из причин, по которым многие общества серьезно поражены коррупцией государственного аппарата, заключается в том, что почти все частные предприниматели имеют побудительные мотивы к нарушению закона, при этом почти ни у кого не возникает стимула сообщать о таких нарушениях властям. «Не только совокупный побудительный мотив частного сектора толкает его обойти закон, но и все побудительные мотивы, характерные для частного сектора, оказываются на стороне тех, кто нарушает правила и постановления. Когда таких постановлений и ограничений становится слишком много, рано или поздно частный сектор (поскольку все или почти все его представители имеют побудительные мотивы к нарушению антирыночных установок или к подкупу чиновников) делает правительство коррумпированным и неэффективным» [25].

Особенностью современной коррупции является последовательное расширение зоны своего влияния за счет новых, ранее достаточно защищенных от нее сфер, в частности правоохранительной деятельности и высших эшелонов власти, что делает ее особенно опасной [24, с. 112]. Сегодня практически нет ни одного органа государственной власти, коррупционные услуги которого не были бы востребованы бизнесом. В распределении российских рынков коррупционных услуг практически монополю главным образом исполнительная власть. На ее долю приходится 98,97 % общего

объема рынка коррупционных услуг (для сравнения судебная власть – 0,86 % и законодательная власть – 0,17 %). Причем наибольший коррупционный доход приносят эксклюзивные властные функции исполнительной власти, в частности такие как нефинансовая контрольная и надзорная деятельность – 34,6 %, лицензирование – 34,2 %, фискальное взимание налогов и налоговый контроль – 22,0 %.

Определенный ресурс для развития коррупции содержат лоббистские практики, особенно в своей нелегальной части. Законный лоббизм предоставляет широкий комплекс услуг от предоставления экспертной информации и продвижение законопроектов до поддержке неформальных связей с чиновниками и воздействие через СМИ. Именно на основе этих практик складываются так называемые «железные треугольники» – устойчивые связи между депутатами, чиновниками отраслевых министерств и корпорациями [5, с. 35–41].

Многими политическими обозревателями отмечается, что безответственная и безнравственная власть всегда бывает особенно коррупционна. Из этого наблюдения мы можем сделать вывод о том, что уровень коррупции власти напрямую зависит (пропорционален) от ее безнравственности. Причем, чем безнравственнее власть себя ведет, тем больше шансов если не у правоохранительных органов, то у историков найти в ее практике злоупотребление.

К коррупции можно отнести и процесс приватизации начала 1990-х гг., поскольку он создал новую социальную конструкцию, два полюса: на одном из которых сосредоточилось бедное большинство («новые социальные низы»), а на другом – сверхбогатое меньшинство (олигархи). Среднего класса, который является основой гражданского общества, при таком формате и в таких условиях не бывает. При этом власть сама (в силу своей неопытности или скрытого злого умысла!?) создала благоприятные политико-правовые условия для несправедливой приватизации. Именно несправедливость и является тем признаком, по которому мы можем определять уровень коррумпированности власти. При этом политическая и социальная несправедливость имеет экономические корни.

Глава Национального антикоррупционного комитета К. Кабанов указывает, что в структуре коррупции 40–60 % составляет система откатов. Коррупция проявляется также в системе госзакупок, выделения различных квот, например, в сфере природопользования и других сферах. В условиях экономического кризиса масштабы коррупции будут только расти, поскольку объем бюджетных средств, выделяемых на антикризисные программы, увеличился, а система контроля за их расходованием еще пока не сформирована.

По оценкам компетентных органов, предоставление эксклюзивных прав (льгот, в том числе по экспорту и импорту, налогам, лицензированию и т.п.) – благодатнейшая почва для коррупции. При подготовке проекта концепции Административной реформы производилось анкетирование правительственных ведомств, и среди прочего анкета содержала вопрос о полномочиях, которых не хватает ведомству. Право выдачи лицензий было в числе наиболее распространенных пожеланий.

Дешевая рабочая сила (по большей части нелегалы), строящая элитное жилье, выгодна самим строительным компаниям и банкам, дающим ипотеку. В России «цены на жилье заоблачные, а услуги строителей-мигрантов – копеечные. Вот и получается, что кучка особо предприимчивых получает за счет этой разницы сверхприбыль. И именно они будут делать все возможное для того, чтобы миграция оставалась в нынешнем состоянии. Иначе им придется увеличивать зарплаты, создавать человеческие условия для жизни рабочих, т.е. увеличивать расходы. Но у большинства мигрантов единственное преимущество – это их готовность жить где угодно. Поэтому их нанимать выгоднее, чем коренное население, которое претендует на нормальные условия труда» [33, с. 18].

Пока государство живет за счет дешевой рабочей силы своих граждан, никакого гражданского общества в этой стране в принципе быть не может. Перед нами фактически замаскированная эксплуатация труда человека, лишённого экономической и политической самостоятельности. В 2004 г. экономисты в один голос говорили об

этом дисбалансе. Рост цен в России, согласно мнению доктора экономических наук Е. Паниной, является следствием сговора монополистов, которые четко отслеживают, когда на финансовом рынке появляются новые средства (в частности денежная компенсация льгот), чтобы спешно и успешно их «освоить». Монополисты взвинчивают цены, что приводит к полному обесцениванию всех компенсаций. Государство попусту бросает все эти средства в топку, поскольку до самих граждан они не успевают дойти. Поэтому власть монополистов должна быть ограничена. «Когда цены будут под контролем государства, нужно резко повысить доходы всего населения. Во всем мире существует понятие «социальный стандарт жизни». Позор то, что наша страна – единственная, где мерилом благополучия считается минимальный размер оплаты труда» [1, с. 12].

Коррупционная деятельность чиновников наносит колоссальный вред национальным интересам и национальной безопасности России. Это фактически «пятая колонна», внутренний враг, засевавший и поразивший сами органы власти [32, с. 1]. «Коррупция – угроза развитию государственного управления. Коррупция ставит под удар национальную безопасность страны. В 2006 г. заместитель генерального прокурора Российской Федерации Александр Букман привел цифры, согласно которым объем рынка коррупции в нашей стране сопоставим по доходам с федеральным бюджетом и оценивается в более чем 240 млрд долл. По данным фонда ИНДЕМ, этот показатель еще выше: только в деловой сфере России объем коррупции вырос между 2001 и 2005 гг. примерно с 33 до 316 млрд долл. в год» [4, с. 15].

От коррупции чиновников страдает не только незрелое российское гражданское общество, но и вполне зрелое криминальное сообщество. Так, по экспертным оценкам, от 30 до 50 % доходов организованной преступности идет на подкуп государственных должностных лиц, на проведение своих людей в исполнительные и законодательные органы [13, с. 334].

Плодотворную почву для коррупции создают проникающие во властные структуры криминальные элементы. То, что власть оказывается беззащитной перед таким явлением, виновата тоже коррупция. Более того, исследованиями было отмечено, что власть перенимает некоторые черты криминальной культуры, и напротив криминал впитывает в себя отдельные элементы политической культуры. В результате бывает трудно отличить «вора в законе» от действующего политика.

О сращивании власти и криминала российские СМИ писали еще в самом начале 2000-х гг. Отмечалось, что «воры в законе» весьма уютно разместились в самых высших эшелонах власти. Факты, полученные СМИ из разных источников, как официальных, так и неофициальных, способны повергнуть, как минимум, в легкий шок: 1) среди народных избранников Государственной Думы России имеются три (!) «вора в законе» и семеро «воров в авторитете» (т.е. тех, кого могут короновать в ближайшем будущем). Конечно, все они вполне могут оказаться и «прошляками», т.е. бросившими воровское дело, но факт остается фактом: три «вора в законе» на одну Государственную Думу – это многовато; 2) в руководящем составе российских министерств татуировки высшей воровской лиги – «воров в законе» – имели на март 2001 г. восемнадцать человек; 3) в другой, не менее серьезной структуре – администрации президента России – доблестно трудились еще два криминальных авторитета, чьи татуировки свидетельствуют о почетном звании «вора в законе»; 4) в выборах в Московскую городскую Думу, которые состоялись 16 декабря 2001 г., планировали принять участие еще четверо достаточно известных «воров в законе», предвыборная кампания которых располагала такими финансами, которые обеспечивали им весьма высокие шансы стать московскими депутатами [23].

Судя по тем средствам, которые чиновники тратят на себя и свои «политические проекты», никакого финансового кризиса в России нет. Все недочеты власти старательно прикрывают громкими заявлениями о достигнутых ими успехах. Ситуация напоминает состояние городских властей накануне приезда в их город высокого начальства – те места города, где имеются неприглядные пустыри, мусорные кучи и

долгострой, стали прикрывать от посторонних глаз гигантскими брендмауэрами, на которых с любовью нарисованы зеленые кусты и окна [27, с. 6].

Призывы к экономии бюджетных средств, прозвучавшие с самых высоких трибун, так и не были слышны на нижних этажах власти. Практически ежедневно в СМИ проходит информация о том, как органы власти разного уровня тратят казенные средства на закупку различных товаров элитного потребления.

На проведение всевозможных саммитов и юбилеев власти всегда находят нужные средства, при этом говорят о том, что сами саммиты и юбилеи – не самоцель, главное – после них останутся дома, мосты, дороги и прочая инфраструктура. Но в жизни так получается не всегда. На практике оказывается, что власти не в состоянии бывают полностью выполнять программы социальной поддержки населения, но при этом находят средства на замену люстр, машин и сантехнике в своих апартаментах [27, с. 6].

В этой связи СМИ отмечают, что «даже в условиях кризиса, когда население вынуждено экономить на морковке, наше чиновничество декларирует какие-то немислимые доходы... И это при том, что Д. Медведев уже намекал служащим на необходимость соблюдать хоть какую-то скромность. Но наш чиновник, привыкший к круговой поруке и безнаказанности, даже кремлевские намеки понимает, лишь оказавшись в кутузке» [19, с. 6]. Антикоррупционные законопроекты оказываются пустословием, потому что «из них всякий раз каким-то таинственным образом исчезает положение о конфискации имущества, нажитого преступным путем. А без конфискации крупному взяточнику ничего не страшно... Стоит ли удивляться, что при «беспощадной борьбе», которую власть ведет с коррупцией, ее уровень, по недавнему признанию генпрокурора Ю. Чайки, возрастает ежегодно на 5 %» [19, с. 6].

Сегодня самими властями признается, что России необходимо реальный выход из коррупционного кризиса, а не политизированная истерия. С целью борьбы с коррупцией специалистами предлагается минимизировать контакты чиновника с заказчиком государственной услуги, создание и широкое применение так называемого «электронного правительства» [18, с. 4]. Пока что в этом плане Россия имеет серьезное отставание от западных аналогов, и если объявленная Президентом модернизация не увенчается успехом, то коррупция задушит у нас не только демократию, но и развивающееся гражданское общество.

Библиографический список

1. *Аргументы* и факты. – № 05 (1266). – февраль 2005. – С. 12.
2. *Аргументы* и факты. – № 30. – 22.07.2009.
3. *Барсукова, С. Ю.* Теневая экономика и теневая политика : механизм сращивания / С. Ю. Барсукова. – М., 2006. – С. 6–10.
4. *Барциц, И. Н.* К новой бюрократии : О бремени коррупции и антикоррупционной экспертизе / И. Н. Барциц // Независимая газета. – 24.11.2009. – № 252 (4882). – С. 15.
5. *Белевцева, Е.* Механизм функционирования лоббистской деятельности в политических институтах современной России / Е. Белевцева // Власть. – 2006. – № 4. – С. 35–41.
6. *Бинецкий, А. Э.* Коррупция / А. Э. Бинецкий. – М., 2006. – С. 23.
7. *Бочарников, И. В.* Зарубежный опыт противодействия коррупции / И. В. Бочарников // Государственная власть и местное самоуправление. – 2008. – № 9. – С. 10.
8. *Бутова, Т. В.* Теневая экономика / Т. В. Бутова, М. В. Ерхов. – М., 2006. – С. 103.
9. *Вартумян, А. А.* Коррупция и теневая экономика: к проблеме взаимоотношений / А. А. Вартумян // Проблема коррупции: пути междисциплинарного исследования : мат-лы V Междунар. науч. конф. «Россия и Восток» (04–06.09.2009, г. Астрахань). – Астрахань, 2009.
10. *Виллисов, М.* Коррупция и теневая экономика : проблемный анализ / М. Виллисов // Власть. – 2006. – № 12. – С. 36–42.
11. *Голосенко, И. А.* Феномен «русской взятки»: Очерк истории отечественной социологии чиновничества / И. А. Голосенко // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1999. – № 3. – Т. II.

12. **Горный, М. Б.** Коррупция в России: системная проблема и системное решение (Вместо введения) / М. Б. Горный // Гражданское общество против коррупции в России. – СПб., 2002. – С. 5.
13. **Гриценко, Г. Д.** Коррупция как системообразующий фактор российской олигархии / Г. Д. Гриценко // Проблема коррупции: пути междисциплинарного исследования. – Астрахань, 2009. – С. 334.
14. **Гуриев, С.** Что известно о коррупции в России и можно ли с ней бороться? / С. Гуриев // Вопросы экономики. – 2007. – № 1. – С. 25.
15. **Дамм, И. А.** Коррупция в российском избирательном процессе: понятие и противодействие : автореф. дис. ... канд. юр. наук / И. А. Дамм. – Красноярск, 2006.
16. **Ключевский, В. О.** Русская история. Полный курс лекций : в 3 кн. / В. О. Ключевский. – М., 1993.
17. **Кодан, С. В.** Проблемы коррупции в государственных органах: технологии противодействия / С. В. Кодан, С. А. Иванова, Р. С. Тараборин, О. А. Благинина, С. М. Кудашев, С. А. Денисов // ЧиновникЪ. – 2004. – № 6 (34).
18. **Коновалов, А.** У государства наконец-то дошли руки до борьбы с коррупцией / А. Коновалов // Известия. – 30.01.–01.02.2009. – № 15 (27786). – С. 4.
19. **Костиков, В.** ...И чтобы вороны пели соловьями / В. Костиков // Аргументы и факты. – 27.05.–02.06.2009. – № 22 (1491). – С. 6.
20. **Костиков, В.** Последний раунд Путина / В. Костиков // Аргументы и факты. – 11–17.07.2007. – № 28 (1393). – С. 9.
21. **Куликов, А.** Коррупция как угроза национальной безопасности России / А. Куликов, Е. Иванов // Обозреватель. – 1999. – № 4. – С. 38–44.
22. **Латов, Ю. В.** Теневая экономика / Ю. В. Латов, С. Н. Ковалев. – М., 2006. – С. 37.
23. **Лурье, О.** Трефовая масть России. «Воры в законе» пишут законы?» / О. Лурье // Новая газета. – 2001. – 17–19.09.
24. **Мишин, Г. К.** Элитно-властная коррупция как приоритетное направление ограничения политической коррупции и антикоррупционной политики в целом / Г. К. Мишин // Государство и право. – 2003. – № 4. – С. 112.
25. **Олсон, М.** Возвышение и упадок народов: Экономический рост, стагфляция, социальный склероз / М. Олсон. – Новосибирск : ЭКОР, 1998.
26. **Римский, В. Л.** Клиентелизм как фактор электорального поведения российских граждан // Решение есть всегда : сб. тр. Фонда ИНДЕМ / ред.-сост. : Г. Сатаров, Д. Шмерлинг, Т. Кузнецова. – М., 2001. – С. 251–259.
27. **Рискин, А. Б.** Безумие бюджетного гламура: Кризис не мешает тратить государственные средства на помпезные стройки / А. Б. Рискин // Независимая газета. – 25.05.2009. – С. 6.
28. **Роскошь** – власти, нищета – народу? // Аргументы и факты. – 2005. – № 21 (1282). – С. 6.
29. **Россия** и коррупция: кто кого?. – Режим доступа: www.csr.ru/theme.php?idi=56, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
30. **Сухарев, А.** Институциональная политика: политология взаимодействия легитимной и теневой сферы в глобальном мире / А. Сухарев. – М., 2004. – С. 51.
31. **Трунов, И. Л.** Новое в противодействии коррупции: законы приняты. Что покажет практика их применения? / И. Л. Трунов // Юрист спешит на помощь. – 2009. – № 2. – С. 22.
32. **Угланов, А.** У призраков должны быть имена / А. Угланов // Аргументы недели. – 05–11.11.2009. – № 44 (182). – С. 1.
33. **Шевяков, А.** «Пусть осваивают Дальний Восток!» / А. Шевяков // Аргументы и факты. – 15–21.10.2008. – № 42 (1459). – С. 18.
34. **Эскин, Ю. М.** «И Василий сказал, то де Артемий замыслил воровски...» : Документы о местничестве в среде приказной бюрократии XVII в. / Ю. М. Эскин // Исторический архив. – № 2. – 1993. – С. 198.

35. **Ющенко, Ю. А.** Культурные парадигмы современного российского чиновничества / Ю. А. Ющенко // Вопросы элитологии: философия, культура, политика. – 2005. – Т. 2. – С. 95.
36. **Яни, П.** В борьбе с коррупцией эффективны только репрессии / П. Яни // Российская юстиция. – 2001. – № 7. – С. 58.